

Пусть эта догадка и бередила ему душу бесчисленное множество раз, услышать признание из уст самого Гу Цзицина оказалось оглушительным ударом.

Как Гу Цзицин мог в него влюбиться?

Они ведь толком и знакомы-то не были.

К тому же Чжоу Цыбай искренне верил: когда Гу Цзицин в самый первый раз перепутал кровать и сказал, что ничего к нему не чувствует, это была чистая правда.

Неужели всё произошло за эти короткие недели?

Но за весь месяц сам Чжоу Цыбай не сделал абсолютно ничего особенного. Разве что пару раз вступился за него, не выдержав вида чужой наглости.

Неужели только из-за двух этих случаев?

Чжоу Цыбай вспомнил ту ночь, когда впервые вытащил Гу Цзицина из лап Хэ Чанчжи: то, с каким тоскливым и одновременно утешенным видом тот говорил по телефону о Чжоучжоу.

Вспомнил и второй раз, когда заступился за него перед Ли Ваном: спокойный, нежный взгляд Гу Цзицина, ровно произнёсшего, что далеко не каждый готов его защищать.

А затем в памяти всплыли скупые слова старшего брата о том, что Гу Цзицин — посмертный ребёнок, которого мать привела в новую семью, и что жизнь у него все эти годы, скорее всего, была не из лёгких.

И, наконец, эта полная обиды и печали фраза, прозвучавшая только что: «У Чжи-Чжи остался только ты».

Пальцы Чжоу Цыбая судорожно сжались.

Только тот, кого с самого детства никто не защищал и не выделял из всех, способен с такой трепетной благодарностью хранить в сердце самые обычные, казалось бы, поступки.

Точно так же, как и сам Чжоу Цыбай во время двухмесячной изоляции в новой школе: он до беспамятства влюбился в единственную девушку, проявившую к нему элементарную человеческую доброту, и не мог забыть её до сих пор.

Вот только его собственные поступки по сравнению с тем, что сделала тогда та богиня, — сущая мелочь.

Он ведь постоянно ходил с мрачной миной, бросал грубости и даже винил Гу Цзицина в нежизнеспособности.

Каково же тому приходилось раньше?

При этой мысли Чжоу Цыбай даже забыл, насколько отвратительной и досадной должна была казаться ему сама мысль о симпатии со стороны парня. Наблюдая за прекрасным, утончённым, но до болезненности бледным и хрупким лицом, покоящимся на его ладони, он ощутил странную, щемящую тоску.

Ему непреодолимо захотелось разгладить невольно сузившиеся от боли брови Гу Цзицина.

И, поддавшись порыву, он так и сделал.

В то же мгновение Гу Цзицин открыл глаза.

Лежа на правой руке Чжоу Цыбая, он растерянно моргнул, уставившись на пальцы, касавшиеся его переносицы.

Чжоу Цыбай обомлел.

Чёрт!

Он что, с ума сошёл?!

Он же убеждённый гетеросексуал! Раз Гу Цзицин к нему равнодушен, нужно немедленно обозначить границы, а не распускать руки!

Осознав всю дикость собственного порыва, Чжоу Цыбай стремительно отдернул руку и, кое-как выдавив с наигранным спокойствием: «Я проверил, у тебя, похоже, жар, пойду за лекарством», выскочил из комнаты, едва успев сгрести с табурета куртку.

Он буквально спасался бегством.

Гу Цзицин, наблюдавший подобную картину далеко не в первый раз за последние полмесяца, лишь вздохнул.

Похоже, гомофобия Чжоу Цыбая достигала терминальной стадии.

Не желая становиться обузой, он зарылся поглубже под одеяло, твердо решив впредь держаться от соседа как можно дальше.

Внезапно дверь снова приоткрылась.

Чжоу Цыбай замер на пороге и с заметным неловким смущением спросил:

— Эм... Ты хочешь чего-нибудь поесть?

Гу Цзицин тихо откликнулся:

— Не стоит беспокоиться...

Гр-р-р...

Прежде чем он успел закончить слово «беспокоиться», его живот весьма предательски и громко уркнул.

В воздухе повисла короткая, крайне неловкая пауза.

— Кисло-сладкие свиные рёбрышки подойдут? — нарушил тишину Чжоу Цыбай.

— Спасибо, — тихо пробормотал Гу Цзицин.

Стоило парню запереть за собой дверь, как Гу Цзицин вновь вяло свернулся калачиком под одеялом. Он решил, что отдалится от Чжоу Цыбая сразу же, как только выздоровеет.

В конце концов, у Чжоу Цыбая такой замечательный характер — он наверняка не станет на него злиться.

Не замечая за собой этой редкой, эгоистичной слабости, Гу Цзицин плотнее закутался в плед и погрузился в полузабытьё.

Тем временем Чжоу Цыбай, купив жаропонижающее, сообразил, что на часах едва перевалило за три дня. Время для обеда давно прошло, а до ужина оставалось ещё долго. В столовой ничего стоящего не нашлось бы, а заказывать доставку больному парню он опасался — жирная пища могла вызвать тошноту.

Заметив в морозильном ларе Учебного супермаркета небольшой отрезок свиных рёбер, он не сдержался: забрал их вместе с лотком яиц и пучком пекинской капусты.

Всё равно он намеревался поговорить с Гу Цзицином начистоту и окончательно разорвать тесные контакты, но не оставлять же беспомощного больного на произвол судьбы в эти пару дней?

Узнай дедушка, что он бросил недужного человека без помощи, непременно забил бы его клюкой до смерти.

Посчитав этот аргумент более чем весомым, Чжоу Цыбай с непроницаемым лицом засучил рукава и поставил на плитку кастрюлю.

Университет Цинда славился своей заботой о студентах: на каждом этаже общежития Багряник обустроили бытовую зону, где помимо стиральных машин стояли микроволновки и индукционные плиты.

Ещё на первом курсе Лу Пин на радостях купил набор посуды, рассчитывая варить китайский самовар. В итоге хого они готовили от силы пару раз, зато Чжоу Цыбай регулярно пользовался утварью, чтобы разнообразить унылый рацион.

Поскольку он с раннего детства воспитывался в военной части под строгим присмотром деда, спартанская закалка приучила его к полной самостоятельности: и готовить, и стирать он умел на высшем уровне.

Взвесив купленный кусок рёбер — едва ли полкило, на полноценное второе блюдо никак не тянуло, — он решил сварить для Гу Цзицина сытную лапшу с кисло-сладкими свиными ребрышками.

Привычно нарезав мясо на кусочки, он бланшировал его, замариновал, обжарил во фритюре и оставил томиться в соусе. Затем Чжоу Цыбай вскипятил воду и только собрался засыпать лапшу, как за его спиной раздался оглушительный вопль:

— Твою мать! Четвёртый! Ты что, жрёшь втихаря от нас?!

Рука Чжоу Цыбая дрогнула, и вся килограммовая пачка лапши со свистом ухнула прямо в кипяток.

В следующую секунду растроганный до слёз Лу Пин уже выдал:

— Хнык-хнык... Так ты не в одно жало! Ты на всех нас варил! Ещё и лапшу с кисло-сладкими свиными ребрышками! Четвёртый, ты просто ангел! Не забудь мне поджарить яичницу!

— Мне тоже, только с жидким желтком! — подключился Ван Цюань.

— А мне яйцо не надо, ты мне лучше рёбер побольше плесни! — подал голос Чэнь Цзи.

Сделав «заказ», тройца оболтусов с довольными физиономиями убралась обратно в комнату.

Застывший у плиты Чжоу Цыбай, который и без того переживал, что рёбер едва хватит на одну порцию Гу Цзицину, мрачнел с каждой секундой.

У этих дворовых псов вместо носов собачьи локаторы, что ли? Нюхают, где заскворчало, и сразу бегут на запах!

Но ведь не скажет же он им прямо, что готовит лично для Гу Цзицина? С их искажённой логикой они моментально раздуют из этого бог весть что.

От мысли о том, какие слухи могут дойти до самого Гу Цзицина, Чжоу Цыбай поморщился ещё сильнее.

Ладно, сваренная на всех каша тоже имеет свои плюсы: по крайней мере, порция в общей куче не будет выглядеть как персональная забота, и Гу Цзицин не станет строить иллюзий.

Да и вообще, с чего бы ему готовить специально для него? Просто проявил доброту к соседу по комнате.

А уж заботиться об одном соседе или о всей ораве — разницы никакой. Равенство для всех.

Успокоив себя этими рассуждениями, Чжоу Цыбай разложил лапшу по пяти пиалам и принялся кропотливо делить скромный запас рёбрышек.

Лу Пину — кусочек, Гу Цзицину — кусочек.

Чэнь Цзи — кусочек, Гу Цзицину — кусочек.

Ван Цюаню — кусочек, Гу Цзицину — кусочек.

Себе — кусочек, Гу Цзицину — кусочек.

Осталось два. Гу Цзицин болен — ему приоритет, плюс ещё один кусочек. Чжоу Цыбай сам стоял у плиты — ему тоже полагается бонус.

Но сам он кисло-сладкое не жалует, так что пусть Гу Цзицин выручит и заберет его долю.

Да и первоначальный свой кусочек можно туда же отправить.

Посчитав такой расклад верхом справедливости, Чжоу Цыбай с каменным лицом спрятал шесть аппетитных мясных кусочков на самое дно пиалы Гу Цзицина, прикрыв их сверху горкой лапши.

Вот теперь действительно — всем поровну.

Гу Цзицина разбудил телефонный звонок Инь Лань.

— Алло, Чжи-Чжи, милый. Мама через пару дней приезжает с Чжоучжоу в Пекин. Как раз к Рождеству. Мы остановимся в отеле неподалёку от твоей академии. Я попрошу для тебя пару дней отгула, приедешь ко мне? Учёбе это не мешает, будем просто ужинать вместе и болтать. Мама так по тебе соскучилась...

Голос Инь Лань, как и всегда, звучал мягко, с той особенной, едва уловимой заискивающей ноткой, словно она до смерти боялась получить отказ. Так говорят только бесконечно любящие родители.

Преодолевая сухость в спасённом от жары горле, Гу Цзицин ответил:

— Хорошо. Мне встретить тебя?

— Не нужно, твой брат обещал прислать машину. Он и номер в отеле забронировал, даже для тебя отдельную комнату снял. Видишь, брат всё-таки помнит о тебе.

Инь Лань, кажется, совсем не заметила хрипоты в его голосе. Она продолжала увлечённо расписывать идиллию их семейного воссоединения.

Гу Цзицин промолчал.

Инь Лань вздохнула:

— Только вот что делать с Чжоучжоу? Даже если он поживёт со мной в отеле пару дней, после моего отъезда его негде оставить. Может, мне заранее снять для тебя квартиру? Поставишь ему воду и корм, будешь навещать раз в пару дней?

— Не стоит. Чжоучжоу очень привязан к людям, если оставить его одного в пустой квартире, он тосковать начнёт. Я уже договорился с другом, подержу пса у него, а со следующего семестра съеду на съёмную квартиру и заберу обратно.

Голова у Гу Цзицина раскалывалась, но он изо всех сил старался говорить ровно и спокойно, чтобы не выдать недомогания и не заставлять мать нервничать.

Инь Лань действительно ничего не заподозрила. Обменявшись ещё парой ласковых фраз, она

повесила трубку.

Едва вызов завершился, как в комнату, шумно дыша и обжигаясь о горячие глиняные пиалы, ввалились Ван Цюань и остальные парни.

Ван Цюань с размаху прихлопнул посудину на стол и тут же схватился за уши:

— Ох, чёрт, какая горячая! Но пахнет — просто умопомрачительно, да и выглядит знатно!

Он зачерпнул палочками порцию и отправил в рот:

— Ум-м-м, вкуснятина! Ну, Директор Чжоу, ну таланжище! Твоей будущей девушке несказанно повезёт!

Как сосед из соседней комнаты, явившийся исключительно ради халявной еды, Ван Цюань остался в полном восторге.

Чжоу Цыбай же с мрачным видом прошествовал мимо него и остановился у кровати Гу Цзицина, протягивая пиалу.

Увидев исходящую паром лапшу, густо политую рубиновым соусом, Гу Цзицин недоуменно моргнул.

— В столовой рёбрышек не было, — отрезанно выронил Чжоу Цыбай.

«И поэтому ты приготовил их сам?»

Гу Цзицин принял пиалу, потянул палочками лапшу и обомлел, обнаружив под ней целую россыпь обжаренных кусочков. Он только собрался спросить, как снизу раздался дикий вопль.

— Да вы шутите?! Директор Чжоу, а почему у меня одна зелень?! Где мои рёбра?! — Ван Цюань, обыскавший всю свою тарелку и не найдя ни малейшего намёка на мясо, чуть не разрыдался.

Следом запричитали Лу Пин и Чэнь Цзи:

— Не понял! У меня тоже всего один огрызок! И тот без мяса!

Комната огласилась отчаянным воем.

Гу Цзицин перевёл взгляд на плотную кучку сочных рёбер в своей пиале, перевёл дыхание и посмотрел на Чжоу Цыбая.

Пойманный с поличным, Чжоу Цыбай вспыхнул до ушей. Сбросив оцепенение, он развернулся к обделённым товарищам и рявкнул с ледяной суровостью:

— По одному куску на брата! Не нравится — не ешьте!

— Ой, съедим, съедим! — тут же умилились парни и уткнулись в свои чашки.

Чжоу Цыбай, поджав губы, уселся за свой стол и принялся жевать абсолютно пустую, вегетарианскую лапшу.

Гу Цзицин, сидевший на кровати, прекрасно видел его напряжённый профиль и пустую пиалу.

Чуть помедлив, он тихо улыбнулся, достал телефон и набрал сообщение:

[Спасибо]

Поразмыслив над стилем общения Чжоу Цыбая, он добавил смайлик:

[(^з^)]

Разблокировав экран лежавшего на столе смартфона одной рукой, Чжоу Цыбай замер. В следующее мгновение вся его шея до самых корней волос налилась густым, невыносимым румянцем.

Гу Цзицин шлёт ему ТАКИЕ эмодзи?!

Нет, так дело не пойдёт. Как только Ван Цюань и остальные уберутся, нужно немедленно расставить все точки над «i». Объяснить, что он относится к нему исключительно как к соседу, никаких иных мыслей у него нет и быть не может, и парнями он не заинтересуется ни в этой жизни, ни в следующей.

Иначе недоразумения будут нарастать как снежный ком, и когда Гу Цзицин влюбится окончательно, исправлять ситуацию станет поздно.

Чем больше Чжоу Цыбай об этом думал, тем сильнее колотилось его сердце. В конце концов, не выдержав собственного внутреннего давления, он уткнулся в тарелку и понял: с кисло-сладким соусом он сегодня явно переборщил.

Приторно до тошноты.

Напротив, Ван Цюань уплетал за обе щеки, не забывая о своём главном хобби:

— Кстати, Гу-Гу, говорят, ты сегодня слёг с температурой после волонтерства в приюте для бродячих собак?

— Угу, — Гу Цзицин, подогнув ноги, сидел на кровати и неторопливо попивал бульон из пиалы.

Снизу, с точки зрения Ван Цюаня, пиала казалась больше лица самого парня. Тот не удержался от восхищенного вздоха:

— Недаром тебя зовут Красавцем Института естественных наук: и лицом хорош, и душой добр. Слушай, у меня как раз есть на примете парень, который тебе просто идеально подойдет!

Гу Цзицин, которому за последние десять дней сосватали уже троих:

«...»

У него возникло недоброе предчувствие.

И точно: в следующую секунду Ван Цюань уже подскочил к нему с экраном телефона:

— Смотри, вот его фото! Красавец, правда? С медицинского факультета Пекинского университета, учится на непрерывной программе бакалавриат-магистратура-аспирантура, на три года старше нас. Холост, виден из себя, да ещё и собственный зоомагазин возле кампуса открыл! Причём не ради наживы, а чтобы брошенных кошек и собак приютить. Вот, глянь снимки магазина, уютно же?

Интерьер действительно выглядел ухоженным, а сам парень на фото казался приятным, улыбчивым и опрятным.

Однако у Гу Цзицина не было ни малейшего желания заводить знакомства.

Раньше он соглашался добавлять контакты во Вэйсинь лишь для того, чтобы не ставить Ван Цюаня в неловкое положение перед знакомыми. Но видя, что тот вознамерился во что бы то ни стало пристроить его в надежные руки, решил вежливо отказаться:

— Парень действительно отличный, но я пока не планирую ни с кем встречаться.

— Это ещё почему?! — искренне возмущился Ван Цюань. — Если такое национальное достояние, как ты, останется без пары, это же будет невосполнимой утратой для всех топов нашего студенческого городка!

Гу Цзицин промолчал.

Он просто не знал, как доходчиво объяснить, что любые романтические отношения кажутся ему бессмысленной тратой сил и времени — сплошной шум и мороки.

Затянувшаяся пауза натолкнула сообразительного Ван Цюаня на неожиданную мысль. Он с размаху хлопнул себя по бедру:

— Я понял! Гу-Гу, у тебя же уже есть кто-то на примете! Поэтому тебе никто из моих кандидатов не нравится?

Прежде чем Гу Цзицин успел хоть слово вымолвить, замерший неподалёку с палочками в руках Чжоу Цыбай ощутимо напрягся.

Заметив замешательство на лице соседа, Ван Цюань окончательно уверился в своей догадке:

— Так и знал! Ладно, забей, я просто боялся, что ты с твоей внешностью ни на кого не клюнешь и останешься один, а если опять объявится урод вроде Хэ Чанчжи, тебя и защитить будет некому. Раз уж у тебя есть симпатия, я отменю встречу с приятелем.

Гу Цзицин, так ничего и не успевший сказать:

«...»

Решив воспользоваться предлогом, он коротко бросил:

— Договорились.

Застывший Чжоу Цыбай сжал палочки так, что костяшки пальцев побелели.

Заметив, что Ван Цюань собирается продолжить болтовню, Чжоу Цыбай резко поднялся и с ледяным лицом вырвал у него из рук посуду:

— Всё, поели — дуйте в свою комнату! И вы двоё, хотите играть — идите к соседям, Гу Цзицину после лекарства нужен покой.

В следующее мгновение Лу Пин и Чэнь Цзи также лишились своих пиал.

Не успевшие толком насытиться парни ошеломлённо переглянулись.

С чего это Чжоу Цыбай стал таким дерганным и вспыльчивым?

Впрочем, глянув на бледного, сонного Гу Цзицина, уплетущего лапшу на кровати, они решили, что Чжоу Цыбай прав: больному действительно не стоит мешать.

И всё же в воздухе витала какая-то странность.

Почесав затылки, троица с озадаченным видом убралась к Ван Цюаню доигрывать матч.

Оставшийся в комнате Чжоу Цыбай сгрузил посуду на раковину, шагнул к кровати Гу Цзицина и, скрестив руки на груди, чеканно произнёс:

— Нам нужно поговорить.

Гу Цзицин, пережевывавший кусочек мяса, поднял голову:

«?»

Поскольку ртом ответить он не мог, то просто моргнул, выражая немой вопрос.

Он всё ещё немного температурил: кончик носа и уголки глаз были болезненно розовыми, отчего этот незамысловатый жест выглядел донельзя трогательным и уязвимым.

Приготовленная Чжоу Цыбаем беспощадная речь моментально застряла в горле.

Чёрт с ним. Раз Гу Цзицин не признался прямо, значит, пока не собирается предпринимать никаких активных шагов. Достаточно слегка намекнуть.

Чжоу Цыбай привык к предельной честности: нравится — говори прямо, не нравится — руби с плеча. Нельзя давать людям ложную надежду и заставлять их попусту тратить время.

В отказах он всегда отличался жесткостью, граничащей с холодной жестокостью. Но сейчас слова давались ему с невиданным трудом.

Помявшись пару секунд, он отвёл взгляд и негромко пробормотал:

— Эта история с рёбрышками... Я сделал это только потому, что ты болен и тебе нужны силы. Ничего лишнего не думай.

«А я и не думал».

Гу Цзицин проглотил мясо и снова моргнул с самым естественным видом.

Но в глазах Чжоу Цыбая этот взгляд отразился как полное непонимание.

Сжав кулаки, Чжоу Цыбай выдохнул и продолжил:

— На самом деле, когда человеку долго не хватает тепла и заботы, он легко может принять обычную человеческую поддержку за нечто большее. Это естественная реакция, просто зависимость или благодарность. Бывает, что это путают со настоящей симпатией. Со мной в средней школе происходило то же самое: мне нравилась одна девушка, и я до сих пор помню её. Если мы когда-нибудь встретимся снова, я обязательно признаюсь ей. И если она согласится, мы пропадём вместе на всю жизнь.

Он говорил, смотря Гу Цзицину прямо в глаза. Из-под густых бровей на него пристально смотрели тёмно-карие глаза — чистые, искренние и непреклонные.

В искренность его клятвы верилось без труда. Девушке, которой предназначались эти чувства, невероятно повезло.

Вот только... Зачем он рассказывает ему всё это?

Неужели они с Чжоу Цыбаем сблизились настолько, что могут делиться историями о первой любви?

Гу Цзицин слегка приподнял бровь.

Заметив его недоумение, Чжоу Цыбай глубоко вдохнул, сжал кулак до хруста и произнес максимально серьёзно:

— Я веду к тому, что благодарность легко перепутать с влюбленностью. Но я абсолютно уверен в своих чувствах к той девушке: меня зацепила именно она сама, её личность. Я буду любить её всегда. Я каждый день пишу в дневнике, моля о новой встрече, и уверен, что никто не сможет этого изменить. Теперь ты понимаешь?

Понимает.

Хотя Гу Цзицин так и не понял причины столь внезапного монолога, сухой остаток он уловил отлично: Чжоу Цыбай давал понять, что у него есть возлюбленная, верность которой он хранит, а значит, сменить ориентацию он не сможет ни при каких обстоятельствах.

В этом Гу Цзицин, впрочем, и так ни секунды не сомневался.

Но раз уж Чжоу Цыбай заговорил об этом напрямую, значит, присутствие соседа за последние дни создавало ему серьезный дискомфорт.

Почувствовав уколы вины, Гу Цзицин опустил длинные ресницы и тихо отозвался:

— Я понял.

Густые тени от ресниц легли на бледные щеки, придавая его лицу печальное, разочарованное выражение.

У Чжоу Цыбая ёкнуло сердце.

Не перегнул ли он палку?

Может, стоит добавить пару слов, чтобы утешить его?

Но что, если утешения будут истолкованы неверно?

На тыльной стороне сжатого кулака Чжоу Цыбая вздулись вены.

А Гу Цзицин уже уткнулся в экран своего телефона. Свежее сообщение пришло от Шэнь Чжао:

[Босс Шэнь]: «Гу-Гу, прости ради бога! Я обещал присмотреть за Чжоучжоу, но на фирме срочно отправляют в командировку по проекту. Улетаю в Шанхай на месяц! Не сможешь попросить маму привезти пса неделей позже?»

Мать уже забронировала билеты и отель, менять планы поздно. Но куда девать Чжоучжоу?

Чуть помедлив, Гу Цзицин набрал сообщение:

[Ван Цюань, скинь мне контакт того старшекурсника из Пекинского университета, у которого зоомагазин.]

Не прошло и трёх секунд, как из гостиной раздался дикий вопль:

— Едрить твоё налево! Гу-Гу! Ты наконец-то прозрел?! Решил написать старшему Пэю?! Я же говорил! Пэй Имин — красавец, чистюля, умница, да ещё и заботливый чистый топ! Идеальный вариант! Сейчас всё скину!

Ван Цюань с телефоном в руках влетел в комнату, точно заботливый фермер, наконец пристроивший элитную породистую свинку в надёжные руки. Он принялся наперебой расхваливать Пэй Имина, расписывая его достоинства, благородство и статус дефицитного топа в их кругах.

Гу Цзицин, давно привыкший к его манере, пропускал половину мимо ушей, просто вежливо уточняя у собеседника детали передержки.

А вот лицо стоящего рядом Чжоу Цыбая темнело с каждой секундой.

Только-только он расставил все точки над «i», как Гу Цзицин тут же переключился на парня, которого ещё полчаса назад отвергал? Что это за поведение?!

Спросить об этом вслух казалось Чжоу Цыбаю бестактным. В конце концов, решит ли Гу Цзицин отвлечься, найдет ли новую цель или просто заинтересуется человеком — это его личное дело, которое его совершенно не касается.

Но на душе всё равно было паршиво. В груди всё сжалось от странной, раздражающей духоты.

Слушая бесконечную трескотню Ван Цюаня, Чжоу Цыбай молча вернулся за стол, зачерпнул лапшу и снова убедился: кисло-сладкий соус сегодня не удался вовсе.

Свело челюсти от кислоты.

Впрочем, кулинарные навыки Чжоу Цыбая в целом оставались на высоте. В последующие дни Гу Цзицину не пришлось питаться жирной столовской едой или доставкой — Чжоу Цыбай исправно готовил для него легкие, питательные блюда и даже варил бульоны.

И хотя парень неизменно сохранял неприступный и хмурый вид, за неделю такой заботы Гу Цзицин заметно свежел, а на щеках появился здоровый румянец. К Сочельнику он уже полностью оправился от болезни.

Однако когда во второй половине дня Чжоу Цыбай вернулся в комнату с порцией свежих рёбрышек, его встретила картина, от которой внутри всё закипело: на улице стоял пятнадцатиградусный пекинский мороз, а Гу Цзицин собирался выходить в куртке из короткой дублёнки и тёмно-синих джинсах, под которыми явно не было тёплого белья.

Светлый дублённый мех подчеркивал фарфоровую белизну кожи и алые губы, тонкие ноги казались бесконечными, а при движении из-под короткого подола едва заметно проглядывала тонкая талия.

Слов нет — выглядел он безупречно.

Но на кой черт наряжаться в такой дубак?!

Он что, забыл, что только вчера избавился от высокой температуры?!

Смотря на парня, которого он целую неделю выхаживал и кормил с ложки, Чжоу Цыбай едва удержал себя в руках, чтобы не рявкнуть:

— На улице минус пятнадцать! Ты можешь надеть нормальный пуховик?!

В этот момент на телефон Гу Цзицина пришло сообщение от Инь Лань:

[Чжи-Чжи, мы с Чжоучжоу в отеле! Приедешь на дневной чай?]

К сообщению прилагалось фото: элегантно одетая дама с безупречным макияжем, белоснежный самоед с бабочкой на шее и изысканная сервировка рождественского чаепития в отеле «Хилтон».

Инь Лань обожала красоту и с детства наряжала сына как куклу. Из-за утончённой внешности и стрижки каре Гу Цзицина в детстве постоянно принимали за девочку, и лишь к старшим классам, когда он вымахал под метр восемьдесят и раздался в плечах, путаница прекратилась.

Но Инь Лань до сих пор не упускала случая потащить его по магазинам, стоит ему одеться чересчур просто.

Гу Цзицин терпеть не мог ходить по бутикам, так что предпочёл немного подмерзнуть сейчас, чем потом тратить три часа на примерки.

Он коротко ответил соседу:

— Всё в порядке. Человек, с которым я встречаюсь, не любит, когда я ношу громоздкие пуховики.

Он просто не хотел впутывать Чжоу Цыбая в семейные дела, поэтому ляпнул первое, что пришло в голову.

Но для Чжоу Цыбая эти слова стали последней каплей.

Что значит «не любит пуховики»?!

Гу Цзицин только что переболел! Какому идиоту придет в голову заставлять больного человека мерзнуть ради внешнего вида?!

Неужели внешность настолько важна?!

Да и куда ему ещё наряжаться?! Он и в мешке из-под картошки будет выглядеть как модель!

Кого вообще ему сосватал Ван Цюань?! Похоже, очередной поверхностный тип, клюнувший на красивую картинку!

С таким отношением к человеку о каком нормальном характере вообще может идти речь?!

Чжоу Цыбай сдвинул брови, намереваясь потребовать, чтобы Гу Цзицин остался дома.

Но вовремя осекся: подобные приказания звучали бы крайне двусмысленно. Да и права такого у него нет.

Поэтому он лишь процедил сквозь зубы:

— Я подброшу тебя на машине.

По крайней мере, не придется мерзнуть на остановке.

Но Гу Цзицин качнул головой:

— Спасибо, не надо. Он заедет за мной.

Кто этот «он», было понятно без слов. Ван Цюань ведь расписывал этого старшекурсника как невероятно галантного и заботливого мужчину. Едва ли такой тип заставил бы парня добираться на такси.

Чжоу Цыбай лишь глухо угукнул, сел за свой стол, взял планшет и попытался сосредоточиться на чертежах.

Гу Цзицин тем временем ответил на звонок, подхватил сумку и вышел из комнаты. В коридоре донесся фрагмент мужского голоса: «сегодня вечером», «бар», «вечеринка»...

Лицо Чжоу Цыбая окончательно потемнело.

Чертеж не клеился. Линии выходили кривыми, пропорцииплыли. В конце концов Чжоу Цыбай

отбросил стилус и откинулся на спинку кресла.

И тут его взгляд упал на стол соседа.

Там лежал забытый кошелек.

Ушел даже без денег? Настолько торопился к своему Пэй Имину?

Сжав губы, Чжоу Цыбай набрал номер Гу Цзицина — занято. Недолго думая, он сгреб кошелек, подхватил свой длинный тёплый шарф и стремительно спустился вниз.

Выйдя из корпуса, он сразу заметил высокий силуэт в элегантном сером пальто и тонких очках. Парень выглядел интеллигентно и утончённо. Он как раз выходил из машины, направляясь к Гу Цзицину.

А Гу Цзицин, стоя перед ним, мягко улыбался. Мушка у его глаза ярко выделялась в холодном свете зимнего солнца.

В ту же секунду в груди Чжоу Цыбая вспыхнула острая, беспричинная горечь.

Но он быстро загнал это чувство подальше. Гу Цзицин — взрослый человек. Он сам вправе решать, с кем ему встречаться и проводить время.

Если всё честно и взаимно, у него нет ни единого основания вмешиваться. И уж тем более не стоит думать, будто Гу Цзицин ищет замену из-за его отказа.

Глубоко вдохнув, Чжоу Цыбай поправил одежду, вернул на лицо привычную неприступную маску и чеканным шагом направился к парочке.

Гу Цзицин как раз обсуждал с Пэй Имином детали перевозки Чжоучжоу, когда услышал тяжелые, уверенные шаги.

Обернувшись, он увидел Чжоу Цыбая.

Тот приближался к ним с таким холодным и величественным видом, словно шагал по подиуму на Неделе моды. Рост под метр девяносто и идеальные пропорции превращали даже стандартный чёрный пуховик в наряд от кутюр. Нахмуренные брови и резкие черты лица придавали ему опасный, хищный шарм.

И все же Гу Цзицин отчетливо прочитал в его взгляде затаённую, детскую обиду.

Точь-и-точь как его белоснежный самоед Чжоучжоу: стоит Гу Цзицину приласкать чужую собачку, как тот с важным и грозным видом надвигается на «соперника», разгоняя его прочь, после чего снова превращается в шелкового и послушного пса.

Но с чего бы Чжоу Цыбаю вести себя как ревнивый пёс?

Наверняка это просто совпадение.

Отогнав нелепую мысль, Гу Цзицин повернулся к Пэй Имину:

— Тогда мы сразу в отель?

Пэй Имин кивнул:

— Да, давай сразу туда. А завтра утром я как раз смогу завезти тебя обратно.

Застывший в шаге от них Чжоу Цыбай мгновенно поднял глаза и ошеломлённо замер на месте.

<http://bllate.org/book/20143/1992114>